

Научная статья

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).555-564

ВОЗРАСТ КАК КРИТЕРИЙ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

М.А. Сутурин^{1, 2}, В.А. Терентьева³¹ Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Российская Федерация² Аппарат Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация³ Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 сентября 2021 г.

Дата принятия в печать

3 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

25 ноября 2021 г.

Ключевые слова

Несовершеннолетний; возраст
уголовной ответственности;
предупреждение преступлений;
преступность несовершеннолетних;
возрастные особенности
несовершеннолетних

Аннотация. Возраст в законодательстве РФ является, как правило, право-рождающим фактом. В статье анализируются основные законодательные акты и их проекты, которые должны обеспечить нормативное обоснование возрастных границ субъекта правоотношения, а также зависимость календарного значения возраста и соответствующих ему психолого-социальных изменений, которые и должны служить основанием выбора того или иного как максимального, так и минимального возрастного предела уголовной ответственности. В настоящий момент в России очевидна необходимость проведения специальных криминологических, социально-психологических исследований, связанных с определением тенденционных изменений возрастных особенностей современных несовершеннолетних. Их результаты позволят ответить на многие актуальные вопросы. Например, как изменился несовершеннолетний в аспекте поколенческого подхода? Насколько видоизменилось его понимание основных правил и норм человеческого общежития и отношение к ним? В конечном счете результаты этих исследований позволят иметь более четкое представление о возрастных особенностях несовершеннолетних, учет которых и должен быть заложен в основание установления возраста уголовной ответственности. Одним из факторов, обуславливающих необходимость проведения комплексных исследований, выступает наличие пробелов, а иногда и прямых противоречий в понимании возрастных границ уголовной, гражданской ответственности и в целом правосубъектности несовершеннолетних. Безусловно, такие границы должны быть связаны в большей степени со способностью осознания подростком основных правил и норм человеческого общежития, пределов правомерного поведения. Однако российское законодательство трактует основания возникновения правосубъектности, их взаимосвязь с психологическими особенностями несовершеннолетнего, наполнение термина «возраст» разнится в каждой конкретной отрасли, что в целом негативно отражается на возможности обеспечения прав и свобод субъекта повышенной охраны — лица, не достигшего 18-летнего возраста.

Original article

AGE CRITERIA FOR CRIMINAL RESPONSIBILITY

Mikhail A. Suturin^{1, 2}, Valeria A. Terentyeva³¹ East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, the Russian Federation² The Office of the Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region, Irkutsk, the Russian Federation³ Kemerovo State University, Kemerovo, the Russian Federation

Article info

Received

2021 September 15

Accepted

2021 November 3

Available online

2021 November 25

Abstract. In the Russian legislation, age is a law-conferring fact. The authors analyze key legislative acts and their projects that should provide the legal framework regarding the age limits of the subject of legal relationships, as well as the dependence of the chronological age and the corresponding psychological and social changes that should form the basis for the choice of both maximum and minimum age limits for criminal responsibility. Currently in Russia there is an evident need for special criminological, socio-psychological research connected with defining changes in age-related features of modern adolescents. Their results will provide answers to many urgent questions. For example, how have adolescents changed as a result of generation approach? How have their understanding and attitude to key rules and norms of human coexistence

Keywords

Minor; age of criminal responsibility;
crime prevention; juvenile delinquency;
age characteristics of minors

changed? Ultimately, the results of such research will give us a better understanding of age-related features of adolescents that should be taken into account when determining the age for criminal responsibility. One of the factors determining the necessity of conducting complex research is the gaps and, sometimes, direct contradictions in the understanding of age limits of criminal and civil responsibility as well as the legal capacity of minors. Undoubtedly, such limits should be mainly connected with the ability of an adolescent to fully understand the key rules and norms of human coexistence and the limits of lawful behavior. The Russian legislation, however, interprets the grounds for the emergence of legal capacity, their connection with the psychological features of the adolescent. The contents of the term «age» differ in each specific branch of law, which has a general negative impact on the possibility of ensuring the rights and freedoms of the subject of special protection — a person who has not reached the age of 18 years.

В криминологической доктрине в целях построения прогнозов изменения количественных и качественных характеристик преступности проводится анализ наблюдаемых тенденций в экономической, политической, социокультурной и других сферах жизни общества. Эти изменения затрагивают и жизнь подрастающего поколения, представители которого выступают в качестве участников настоящего и созидателей будущего общества [1].

Лицам, не достигшим 18 лет, уже в настоящем принадлежит роль субъектов (в том числе и правовых отношений), а в дальнейшем, что является объективной данностью, с возрастом она (роль) будет расширяться и закрепляться. Исходя из этого, в реализации криминологией предупредительной функции необходимо принимать во внимание достаточно большое количество различных факторов, тем или иным образом способных повлиять (возможное) и влияющих (сущее) на сегодняшнюю ситуацию, связанную с криминальной активностью детей. Кроме того, учет влияния различных факторов на криминальную активность этих субъектов приобретает особое значение в аспекте прогноза изменений криминологически значимых показателей преступности несовершеннолетних.

В рамках настоящей работы мы остановимся на анализе одного из факторов, влияющего в достаточно глобальном плане на преступность несовершеннолетних, — возрасте уголовной ответственности. Возраст, который в большей степени можно отнести к числу психолого-физиологических критериев становления и реализации человека в социальном контексте, имеет и важнейшее правовое значение, например в аспекте определения субъекта (-ов) тех или иных правоотношений, в том числе правоотношений, возникающих в результате негативных девиантных поведен-

ческих практик подростков, а также в сфере реализации Уголовным кодексом Российской Федерации охранительной функции (в соответствии со ст. 2 УК РФ).

Проблема определения возрастных границ уголовной ответственности отнюдь не является новой. Данной тематике посвящено большое количество исследований криминологического и уголовно-правового характера, результаты которых находят свое отражение в диссертационных, монографических работах, публикациях в отечественных и зарубежных изданиях [2–5].

Однако вопросы установления возраста привлечения к уголовной ответственности, учета возрастных особенностей реализации уголовной ответственности и т.д. не теряют своей актуальности и сегодня. Уже немного «заезженная пластинка» о необходимости снижения возрастных границ привлечения к уголовной ответственности с завидной регулярностью звучит вновь и вновь. Например, в 2020 г. в очередной раз некоторые депутаты Государственной Думы РФ выступили за одобрение законопроекта о снижении возраста уголовной ответственности¹. Кроме того, в определенной степени настораживающим фактором являются попытки околodoктринального «обоснования» «необходимости» изменения нижних возрастных границ возможности привлечения (не менее как!) к уголовной ответственности. Как отмечает в своей работе Л.М. Прокументов, «в настоящее время не все российские исследователи разделяют позицию законодателя о пониженной границе уголовной ответственности в 14 лет. По их мнению, нижнюю границу возраста уголовной ответственности несовершеннолетних следует снизить до 12 лет» [6, с. 202].

¹ В Госдуме одобрили идею снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет // Москва24. 2020. 9 сент. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/09092020/132455>.

Неоспоримым является тезис о том, что отечественный законодатель, включив в 1996 г. в УК РФ разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних», сделал огромный шаг вперед на пути учета возрастных особенностей подрастающего поколения при реализации наиболее карательного (уголовно-правового) воздействия на лиц, совершивших преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте.

Включение в уголовное законодательство специальных норм, регулирующих особенности уголовной ответственности рассматриваемой возрастной когорты, в известной степени обусловлено стремлением российского законодателя к учету основополагающих актов международного права в сфере охраны детства². Указанные нормативные акты предполагают целую систему мер воздействия, предусматривающую режим «наибольшего благоприятствования подростку», включая не только уголовно-правовые, но и административные и социально-реабилитационные меры. Кроме того, данный законодательный подход, несомненно, демонстрирует формально закрепляемое более гуманное отношение к несовершеннолетним, привлекаемым к уголовной ответственности.

Тем не менее последующие более чем 20 лет, в течение которых действует УК РФ, те изменения и дополнения, которые в него с заведомой регулярностью вносятся, в большей степени направлены на усиление потенциа-

льного и реального карательного воздействия на несовершеннолетних преступников³. В качестве примера можно привести ситуацию, связанную с внесением изменений и дополнений в УК РФ федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Так, вышеуказанным нормативным актом была существенно расширена ч. 2 ст. 20 УК РФ, в которой приводится перечень составов преступлений, за совершение которых лицо может быть привлечено к ответственности с 14 лет. При этом данное расширение произошло за счет составов преступлений террористической направленности и преступлений против мира и безопасности человечества. Законодатель, видимо, при понижении возрастной планки привлечения к ответственности за данные преступления во главу угла поставил повышенную степень общественной опасности данных деяний исходя из формально закрепленной (ст. 15 УК РФ) категоризации преступлений. При этом, на наш взгляд, были в очередной раз проигнорированы возрастные особенности лиц в возрасте 14–15 лет. Кроме того, данная новелла, помимо неучета особенностей младшего подросткового возраста, выглядит нелогично в контексте ее обоснования. Нам прекрасно известно, что несовершеннолетние в возрасте 14–15 лет гораздо чаще совершают не менее тяжкие деяния, при этом не являясь их субъектами (например, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ). То есть априори существует не только одно обоснование для снижения возраста — повышенная общественная опасность и тяжесть совершенного, но и второе — распространенность. Мы отнюдь не ведем речь о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за данные преступления. Мы демонстрируем нелогичность, необоснованность тех изменений, которые были внесены в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Подобного рода нелогичность и необоснованность проистекают в том числе и из неполного понимания оснований установления возраста уголовной ответственности или их недожного учета. Кроме того, можно обратить внимание

² Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс» ; Конвенция ООН о правах ребенка : одобр. Генер. Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г. // Там же ; Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей : принята в г. Нью-Йорке 30 сент. 1990 г. // Там же ; Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) : приняты 14 дек. 1990 г. Резолюцией 45/112 на 68-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // Там же ; Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы : приняты 14 дек. 1990 г. Резолюцией 45/113 на 68-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // Там же. Кроме того, нужно отметить, что и ранее принимались акты международного права, регламентирующие права ребенка как особого субъекта общественных отношений, например Декларация прав ребенка, принятая в 1924 г. Ассамблеей Лиги Наций в Женеве и получившая известность как Женевская декларация прав ребенка.

³ Редким исключением данной тенденции можно назвать изменения, внесенные в 2003 г. в ст. 88 УК РФ (федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). В частности, это касается разделения несовершеннолетних на две возрастные категории по критерию возможности назначения наказания в виде лишения свободы (ч. 6, 6.1 ст. 88 УК РФ).

на законодательные новеллы, детерминирующие ситуацию, когда недолжный учет именно возраста ставит определенную часть несовершеннолетних преступников в изначально, если можно так выразиться, невыгодное положение по сравнению с совершеннолетними преступниками и даже другими несовершеннолетними, совершающими преступления. И в данном случае речь идет о различиях отраслевого законодательства. Получивший формальное закрепление и определенное законодательное распространение институт административной преюдиции несомненно рассматривается как усиление вектора гуманизации уголовной ответственности. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ была включена статья 158.1, устанавливающая ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. И исходя из буквального, логического толкования указанной нормы, мы можем сделать вывод о том, что быть привлеченным к уголовной ответственности за данное деяние может быть только лицо старше 16 лет, так как, согласно положениям ст. 2.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ, административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. То есть если совершено мелкое хищение (с точки зрения стоимостного выражения похищенного имущества, закрепленного в ст. 7.27 КоАП РФ) 16-летним и более старшим лицом, его изначально можно привлекать к административной ответственности, а в случае повторного совершения деяния — при соблюдении формально закрепленных условий по ст. 158.1 УК РФ. Что касается лиц в возрасте 14–15 лет, совершивших подобное хищение, по сути, нет никаких правовых препятствий для привлечения их сразу же к уголовной ответственности, например, по ст. 158 УК РФ (при умозрительной надежде на возможность применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ — «малозначительность деяния»).

Определенный оптимизм в контексте гуманизации уголовного законодательства в целом и гуманизации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних в частности у многих исследователей вызвал законопроект, предложенный постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введе-

нием понятия уголовного проступка» от 13 октября 2020 г. № 24⁴. В данном законопроекте предлагалось перевести часть преступлений небольшой и средней тяжести в разряд уголовных проступков с соответствующей более «мягкой реакцией» на их совершение. В частности, предполагалось, что привлечение к уголовной ответственности за совершение уголовного проступка не будет влечь за собой судимости. Сама идея, несомненно, носит позитивный характер, например, с точки зрения экономики уголовной репрессии. Однако анализ данных предложений с позиции криминологической оценки преступности несовершеннолетних вызывает определенный скептицизм. Достаточно догматичным криминологическим положением является то, что в подавляющем большинстве преступления, совершаемые несовершеннолетними, носят групповой характер⁵. Соответственно, с точки зрения квалификации совершенного деяния в разряд преступлений априори не попадают, скажем, преступления небольшой тяжести или даже, при наличии определенных условий, средней тяжести. А совершение в преобладающей части преступлений в группе (или формально в соучастии) обусловлено как раз возрастными особенностями лиц в возрасте 14–17 лет. Справедливости ради необходимо отметить, что данный законопроект был отозван постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 25. Тем не менее в очередной раз настаивает ситуация, связанная с учетом или недостаточным учетом возрастных особенностей несовершеннолетних, влияющих на их криминальное поведение.

В целом анализируя положения уголовного закона, следует отметить, что законодатель оперирует понятием «возраст привлечения к уголовной ответственности» (ст. 20 УК РФ), а не понятием «возраст уголовной ответственности». Возможно, значение подобного рода терминологической (этимологической) составляющей не столь очевидно с позиции законодательной техники. Однако, по нашему мнению, в этом заключаются проблемы правового характера, связанные с детерминантами преступности несовершеннолетних

⁴ Нужно отметить, что Верховный Суд РФ выходил с подобным законопроектом и в 2017 г.

⁵ Об этом свидетельствует и официальная статистика.

и эффективностью ее предупреждения⁶. В этом контексте мы в определенной степени согласны с мнением некоторых авторов, специалистов в области сравнительного правоведения, которые отмечают: из содержания норм УК РФ можно сделать вывод о том, что в рамках российского уголовного права предписания, регулирующие вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, не представляют собой какую-то своеобразную подотрасль уголовного законодательства, а выступают скорее методически обособленной составной его частью, исключением из общих правил. Данный вывод подтверждается отсутствием каких-либо особых принципов или целей регулирования этой сферы правоотношений, закрепленных на уровне закона, а также конструкцией соответствующих норм, не содержащих предписаний о приоритетном назначении альтернативных наказанию мер или каких-либо иных предписаний, которые свидетельствовали бы о придании несовершеннолетнему преступнику принципиально иного статуса по сравнению с иными категориями преступников [7, с. 203].

В том числе на уровне закона не закрепляются и основополагающие (в контексте реализации уголовной ответственности и в отношении несовершеннолетних, и в целом) положения, касающиеся, во-первых, определения оснований для установления возраста уголовной ответственности, во-вторых, учета возрастных особенностей несовершеннолетних при привлечении к уголовной ответственности⁷. Это, в свою очередь, вполне логично оказывает достаточно серьезное влияние, во-первых, на сам уголовный закон, например в контексте определения составов преступлений, за совершение которых лицо может быть привлечено к ответственности с 14-летнего

возраста. Во-вторых, подобного рода ситуация оказывает влияние и на практику применения уголовного закона в отношении несовершеннолетних. Например, недолжный учет возрастных особенностей, по нашему мнению, привел к росту числа преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, которые де-юре совершаются несовершеннолетними и статистически именно так и фиксируются⁸.

В подобной ситуации, исходя из сложившейся в отечественном правоприменении практики, должны прийти на помощь другие инструменты. Во-первых, специальные законы. 24 июня 1999 г. был принят федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁹. Не подвергая сомнению необходимость принятия и реализации данного закона, в русле тематики настоящей работы отметим лишь следующее. Анализ положений указанного федерального закона позволяет прийти к выводу о том, что и он не содержит критериев определения возраста объектов профилактического воздействия — несовершеннолетних. Да, в ст. 1 указаны основные понятия, в том числе и понятие «несовершеннолетний». Но, опять же, поставлена верхняя возрастная планка (несовершеннолетний — лицо, не достигшее возраста 18 лет), и не более. Кроме того, в законе (в отличие, например, от УК РФ) нет категоризации объектов профилактического воздействия по критерию возраста. Критериями категоризации выступают род деятельности, социальная обстановка и т.д., но не особенности того или иного возрастного периода несовершеннолетия. А ведь речь идет не менее чем об основах системы профилактики. А возрастные особенности — это, по нашему мнению, и есть одна из фундаментальных основ

⁶ При этом мы прекрасно понимаем, что проблемы правового характера не исчерпываются исключительно неопределенностью правовых категорий, и детерминационная составляющая преступности несовершеннолетних — это целый комплекс издержек организационного, социального, экономического, правового характера.

⁷ Следует отметить, что особенности применения мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних на законодательном уровне выражены в конкретных уголовно-правовых нормах. Но вместе с тем подобного рода законодательные конструкции уже достаточно давно подвергаются обоснованной критике как представителями криминологической и уголовно-правовой доктрины, так и правоприменителями.

⁸ Эта ситуация, по нашему мнению, детерминирована и положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16. В частности, в п. 1 говорится о том, что «мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет». На наш взгляд, подобный подход правотолкователя крайне негативно сказался на правильной оценке действий несовершеннолетних, находящихся сейчас в статусе осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ.

⁹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // ИПП «Гарант».

всей последующей законодательной техники и правоприменительной практики.

Во-вторых, акты толкования права. 1 февраля 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации издал постановление Пленума № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹⁰. В п. 3 указанного постановления говорится о необходимости применения таких мер воздействия на несовершеннолетних, которые бы обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного преступления и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния. В п. 5 данного акта казуального толкования право толкователь подчеркивает, что «установление возраста несовершеннолетнего обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из условий его уголовной ответственности». То есть вновь речь идет только об обязательности установления самого возраста как условия привлечения к уголовной ответственности. О самих же возрастных особенностях как таковых не упоминается. При этом Пленум избирает достаточно своеобразный ход, указывая следующее: решая вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних и назначении им наказания, судам следует руководствоваться уголовным законом об особенностях их уголовной ответственности и учитывать положения соответствующих международных норм (п. 16).

Таким образом, ни в федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» как в более специальном нормативно-правовом акте, регламентирующем в том числе особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» № 1 именно про возрастные особенности несовершеннолетних не говорится ничего. В определенной степени достаточно декларативно упоминается об особенных

критериях реализации уголовной ответственности рассматриваемой возрастной группы, и не более. Вопросы достижения возраста уголовной ответственности, на наш взгляд, ключевые вопросы, а они своего раскрытия не получают.

Рассматривая проблемные вопросы настоящей тематики, хотелось бы немного обратиться к положениям отраслевого законодательства России¹¹. Можно ли в иных законодательных актах встретить более детальную регламентацию установления возрастных границ субъектов тех или иных правоотношений? В частности, Трудовой кодекс Российской Федерации содержит самостоятельную главу 42 «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет»¹². В этой главе достаточно подробно говорится об особенностях организации и реализации трудовых отношений лицами, не достигшими совершеннолетия. При этом устанавливается только верхняя возрастная граница — 18-летие. Анализ иных норм трудового законодательства позволяет прийти к выводу о том, что и здесь (так же, как в УК РФ) встречается разбивка возраста несовершеннолетия на формально определенные категории. Так, в ст. 63 ТК РФ «Возраст, с которого допускается заключение трудового договора» встречаются категории: «лица, достигшие возраста шестнадцати лет»; «лица, получившие общее образование и достигшие возраста пятнадцати лет»; «лицо, получившее общее образование и достигшее возраста четырнадцати лет»; «лица, не достигшие возраста четырнадцати лет». Кроме того, некоторые вопросы регулирования труда несовершеннолетних получают более расширенное толкование в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» от 28 января 2014 г. № 1¹³. В Семейном кодексе Российской Федерации также выделяется самостоятельная глава 11 «Права несовершеннолетних детей»¹⁴. В ст. 54 СК РФ определяется, что ребенком при-

¹¹ Однако данный вопрос заслуживает самостоятельного исследования.

¹² Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : (ред. от 28 июня 2021 г.) // ИПП «Гарант».

¹³ О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 янв. 2014 г. // Там же.

¹⁴ Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : (ред. от 2 июля 2021 г.) // Там же.

¹⁰ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. // ИПП «Гарант».

знается лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия). При этом в ст. 13 СК РФ «Брачный возраст» регламентируется возможность заключения брака (помимо общего условия брачный возраст устанавливается в 18 лет (ч. 1 ст. 13 СК РФ)) и на более ранних возрастных стадиях. Например, в ч. 2 ст. 13 СК РФ говорится о том, что при наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет. Кроме того, федеральное законодательство допускает возможность вступления в брачные отношения и до достижения возраста 16 лет. При этом решение данного вопроса «отдается на откуп» субъектам Российской Федерации (ч. 2 ст. 13 СК РФ). Гражданский кодекс Российской Федерации¹⁵ также выделяет в качестве специфичных субъектов гражданско-правовых отношений лиц, не достигших совершеннолетия (18 лет). В гл. 3 ГК РФ «Граждане (физические лица)» устанавливаются особенности дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ) и особенности дееспособности малолетних (лиц, не достигших 14 лет) (ст. 28 ГК РФ). Кроме того, в ст. 27 ГК РФ «Эмансипация» детально прописываются условия полной дееспособности лиц, достигших 16 лет.

Несмотря на казалось бы детальное нормативное закрепление прав и обязанностей несовершеннолетних, ни в трудовом, ни в семейном, ни в гражданском законодательстве мы не встречаем обоснований, опосредующих установление того или иного возраста, с которого лицо может быть участником соответственно трудовых, семейных или гражданско-правовых отношений. Об этом не говорят и соответствующие акты толкования. То есть наблюдается ситуация, связанная с формальным установлением возрастных границ без должного законодательного обоснования самих возрастных границ, которые детерминируют возможность лица быть субъектом тех или иных правоотношений.

Говоря о доктринальном аспекте возрастных особенностей, следует иметь в виду, что в различных науках возраст трактуется по-разному. В самом общем смысле возраст рассматривают история, экономика, демография, определяя его как календарный период от рождения человека до какого-либо события [8]. В психологии и со-

циологии возраст рассматривается как качество человека, преломляющее его существование во времени [9, с. 147–151], которое ассоциируется не только с количеством прожитых лет, но и с изменениями внутреннего содержания человека, произошедшими за прожитые годы [10, с. 34–40]. Подобный подход к определению временного промежутка, выступающего в том числе и как криминологический детерминант, широко распространен на Западе [11].

Исходя из вышеизложенных положений, В.В. Бочаров предлагает выделять не только хронологический (абсолютный), но и условный возраст, который бы свидетельствовал о различных качественно-количественных изменениях психологических и социальных показателей, определяющих его специфику [12, с. 132–140]. Условный возраст представляет собой попытку осмысления и периодизации человеческой жизни на основании качественных показателей, что позволяет выделить в хронологическом возрасте периоды, имеющие содержательное значение. Именно последний в своем разнообразии (психологический и социальный) представляется наиболее интересным для последующего изучения. Под условным психологическим возрастом следует понимать качественно своеобразный период психологического развития, характеризующийся появлением новообразований в психике [13, с. 124–125]. В то время как социальный условный возраст характеризуется через уровень социальной зрелости человека и его адаптивных способностей по отношению к обществу [14], развитие этого процесса тесно связано с процессом социализации лица.

Отметим, что понятие возраста в российском уголовном праве лежит именно на стыке двух взглядов: хронологического и условного. Несмотря на то что Уголовный кодекс Российской Федерации связывает возможность привлечения к уголовной ответственности лица с достижением определенного возраста, в нем понятие возраста отсутствует.

Возраст в уголовно-правовой науке трактуется неоднозначно. М.М. Коченов отмечает, что понятие возраста должно употребляться исключительно в хронологическом смысле, исходя из количества прожитого человеком времени. Именно сам физический возраст человека является основанием уголовной ответственности наравне со способностью лица в момент совершения преступления регулировать свое поведение (*т.е. с вменяемостью*) [15, с. 34]. С такой пози-

¹⁵ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : (ред. от 1 июля 2021 г.) // ИПП «Гарант».

цией сложно согласиться, поскольку в ч. 3 ст. 20 УК РФ указывается на неабсолютность хронологического возраста. Так, в данной норме указывается на неспособность понимать социальную значимость своих действий и руководить своим поведением вследствие возрастной неспособности. Таким образом, возраст нельзя считать только количественной характеристикой. На это же указывает и Л.В. Боровых, которая считает, что за количеством прожитых лет стоит качественная наполняемость этих периодов, и, как следствие, предлагает рассматривать возраст как период в развитии человека [16, с. 8].

Наиболее интересной представляется позиция Р.И. Михеева, который выделяет возраст в широком смысле — как календарный период, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, и в узком смысле — как психофизическое состояние лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения [17, с. 17].

Полагаем, что количество прожитых лет может определять этап развития личности, что и служит предпосылкой уголовной ответственности. В таком ключе стоит рассматривать возрастную границу, отделяющую лиц, способных нести уголовную ответственность, от малолетних не только исходя из уровня возрастного развития. В дореволюционном законодательстве России использовался термин «разумение» как результат, который наступает в связи с возрастными изменениями. Применительно к уголовному праву этот принцип может быть истолкован как способность сознавать не только фактический смысл совершаемого, его отношение к окружающему, последствия, но и отношение совершаемого к предписаниям закона [18, с. 211]. То есть, по замыслу законодателя, возрастная граница служит рубежом, за чертой которого и появляется вышеуказанная способность.

Учет особенностей возраста субъекта преступления в механизме уголовно-правового регулирования возможен в двух аспектах: во-первых, при определении момента наступления уголовной ответственности и, во-вторых, при определении особенностей реализации уголовной ответственности при уже установленных

возрастных границах. Установление границ уголовной ответственности исходя из достижения лицом определенного возраста основывается в большей степени на осознании основных правил и норм человеческого общежития, пределов правомерного поведения [19, с. 146–150; 20, с. 86]. Эта позиция связывает способность к несению уголовной ответственности не с произвольным установлением возрастной границы, а с соотношением ее с определенным уровнем зрелости, достаточным для принятия решения о том или ином варианте поведения. Такой подход называется О.Д. Ситковской психологически адекватным [21, с. 50].

Представляется, что, с одной стороны, законодатель в ст. 20 УК РФ, устанавливая общий возраст уголовной ответственности в 16 лет и минимальный возраст уголовной ответственности в 14 лет, отражает принцип взаимосвязи хронологического и условного возраста, свидетельствующий о постепенном осознании лицом уголовно-правовых запретов. При определении ряда преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, законодатель не только учитывает распространенность конкретных деяний среди несовершеннолетних, но и презюмирует способность несовершеннолетних осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и руководить им. С другой стороны, как мы уже отмечали, ни законодатель, ни правотолкователь абсолютно не определяют на формальном уровне возрастные особенности того или иного периода формирования и существования человека в возрасте несовершеннолетия. При этом подобная ситуация наблюдается не только в уголовном, но и в иных отраслях права и законодательства.

По нашему мнению, установление возрастных границ уголовной ответственности в первую очередь основывается на осознании основных правил и норм человеческого общежития, пределов правомерного поведения. Именно возрастные особенности несовершеннолетних могут служить базисным критерием построения системы ювенальной юстиции, распределения и обучения соответствующих кадров [22], применения видов освобождения от уголовных наказаний и в конечном счете снижения уровня рецидивов [23].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cuevas C. Dynamic risk factors and timing of recidivism for youth in residential placement / C. Cuevas, K.T. Wolff, M.T. Baglivio // *Journal of Criminal Justice*. — 2019. — Vol. 60. — P. 154–166.
2. Baumer E.P. The contemporary transformation of American youth: An analysis of change in the prevalence of delinquency, 1991–2015 / E.P. Baumer, K. Cundiff, L. Luo // *Criminology*. — 2021. — Vol. 59, iss. 1. — P. 109–136.

3. Mears D.P. Support for balanced juvenile justice: assessing views about youth, rehabilitation, and punishment / D.P. Mears, J.T. Pickett, C. Mancini // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 3. — P. 459–479.
4. Andersen L.H. Measuring the Effect of Probation and Parole Officers on Labor Market Outcomes and Recidivism / L.H. Andersen, C. Wildeman // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 4. — P. 629–652.
5. Zimmerman G.M. Investigating the Role of Neighborhood Youth Organizations in Preventing Adolescent Violent Offending: Evidence from Chicago / G.M. Zimmerman, B.C. Welsh, C. Posick // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 4. — P. 565–593.
6. Прокументов Л.М. Проблемы определения возраста привлечения к ответственности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л.М. Прокументов // *Вестник Томского государственного университета*. — 2017. — № 419. — С. 202–209.
7. Серебренникова А.В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних по Закону об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних от 4 августа 1953 г. Германии и Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Серебренникова, Л.А. Бахвалова // *Уголовно-исполнительное право*. — 2017. — Т. 25, № 2. — С. 202–205.
8. Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 6 : В — Г / под ред. Ю.С. Осипова [и др.]. — Москва : Большая рос. энцикл., 2004. — 766 с.
9. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен / А.В. Микляева. — Санкт-Петербург : Речь, 2009. — 156 с.
10. Хилько М.Е. Возрастная психология: конспект лекций / М.Е. Хилько, М.С. Ткачева. — Москва : Юрайт, 2010. — 192 с.
11. Agnew R. Crime and time: The temporal patterning of causal variables / R. Agnew. — DOI 10.1177/1362480609356671 // *Theoretical Criminology*. — 2011. — Vol. 15, iss. 2. — P. 115–139.
12. Бочаров В.В. Антропология возраста / В.В. Бочаров. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. — 192 с.
13. Выготский Л.С. Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. — Москва : Эксмо, 2005. — 507 с.
14. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И.С. Кон. — Москва : Наука, 1988. — 269 с.
15. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.06 / М.М. Коченов. — Москва, 1991. — 44 с.
16. Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.В. Боровых. — Екатеринбург, 1993. — 21 с.
17. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р.И. Михеев. — Москва, 1995. — 70 с.
18. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право / Н.Д. Сергиевский. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. — 397 с.
19. Карпец И.И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. — Москва : Юрид. лит., 1985. — 256 с.
20. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 232 с.
21. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности / О.Д. Ситковская. — Москва : Норма, 1998. — 272 с.
22. Andersen L.H. Measuring the Effect of Probation and Parole Officers on Labor Market Outcomes and Recidivism / L.H. Andersen, C. Wildeman // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 4. — P. 629–652.
23. One is not the other: Predicting offending after discharge from secure residential care of male adolescents with four risk profiles / E.A.W. Janssen-de Ruijter, E.A. Mulder, I.L. Bongers [et al.] // *Journal of Criminal Justice*. — 2021. — Vol. 72, iss. 3. — Art. 101758.

REFERENCES

1. Cuevas C., Wolff K.T., Baglivio M.T. Dynamic risk factors and timing of recidivism for youth in residential placement. *Journal of Criminal Justice*, 2019, vol. 60, pp. 154–166.
2. Baumer E.P., Cundiff K., Luo L. The contemporary transformation of American youth: An analysis of change in the prevalence of delinquency, 1991–2015. *Criminology*, 2021, vol. 59, iss. 1, pp. 109–136.
3. Mears D.P., Pickett J.T., Mancini C. Support for balanced juvenile justice: assessing views about youth, rehabilitation, and punishment. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 3, pp. 459–479.
4. Andersen L.H., Wildeman C. Measuring the Effect of Probation and Parole Officers on Labor Market Outcomes and Recidivism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 4, pp. 629–652.
5. Zimmerman G.M., Welsh B.C., Posick C. Investigating the Role of Neighborhood Youth Organizations in Preventing Adolescent Violent Offending: Evidence from Chicago. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 4, pp. 565–593.
6. Prozumentov L.M. Russian criminal law policy in regard to juveniles: issues of law-making and law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 419, pp. 202–209. (In Russian).
7. Serebrennikova A.V., Bakhvalova L.A. Features of criminal liability of minors under the law on administration of Justice for minors from 8/4/1953 to Germany and the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 202–205. (In Russian).
8. Osipov Yu.S. (ed.). *The Great Russian Encyclopedia in 30 vols*. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2004. Vol. 6. 766 p.
9. Miklyaeva A.V. *Age discrimination as a social-psychological phenomenon*. Saint Petersburg, Rech Publ., 2009. 156 p.
10. Khil'ko M.E., Tkacheva M.S. *Age Psychology*. Moscow, Yurait Publ., 2010. 192 p.
11. Agnew R. Crime and time: The temporal patterning of causal variables. *Theoretical Criminology*, 2011, vol. 15, iss. 2, pp. 115–139. DOI: 10.1177/1362480609356671.
12. Bocharov V.V. *Anthropology of Age*. Saint Petersburg State University Publ., 2000. 192 p.
13. Vygotskii L.S. *Psychology of child development*. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 507 p.

14. Kon I.S. *Child and society: historical and ethnographic perspective*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 269 p.
15. Kochenov M.M. *Theoretical bases of forensic and psychological examination*. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1991. 44 p.
16. Borovykh L.V. *The problem of age in the mechanism of criminal law regulation*. Cand. Diss. Thesis. Ekaterinburg, 1993. 21 p.
17. Mikheev R.I. *Problems of sanity, guilt and criminal responsibility (theory and practice)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1995. 70 p.
18. Sergievskii N.D. *Russian Criminal Law*. Saint-Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1915. 397 p.
19. Karpets I.I. *Criminal law and ethics*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1985. 256 p.
20. Kuznetsova N.F. *Crime and Criminality*. Moscow State University Publ., 1969. 232 p.
21. Sitkovskaya O.D. *Psychology of criminal responsibility*. Moscow, Norma Publ., 1998. 272 p.
22. Andersen L.H., Wildeman C. Measuring the Effect of Probation and Parole Officers on Labor Market Outcomes and Recidivism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 4, pp. 629–652.
23. Janssen-de Ruijter E.A.W., Mulder E.A., Bongers I.L., Vermunt J.K., Van Nieuwenhuizen Ch. One is not the other: Predicting offending after discharge from secure residential care of male adolescents with four risk profiles. *Journal of Criminal Justice*, 2021, vol. 72, iss. 3, art. 101758.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сутурин Михаил Александрович — доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, главный советник Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: mialsu@yandex.ru.

Терентьева Валерия Александровна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Кемерово, Российская Федерация; e-mail: terent@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сутурин М.А. Возраст как критерий привлечения к уголовной ответственности / М.А. Сутурин, В.А. Терентьева. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).555-564 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 555–564.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Suturin, Mikhail A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Chief Adviser to the Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: mialsu@yandex.ru.

Terentyeva, Valeria A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Kemerovo State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Kemerovo, the Russian Federation; e-mail: terent@list.ru.

FOR CITATION

Suturin M.A., Terentyeva V.A. Age criteria for criminal responsibility. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 555–564. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).555-564.